

(египетского и сиро-палестинского). Во-вторых, в уникальной возможности создать синхронистическую картину исторического развития основных регионов средиземноморского мира (по крайней мере, в течение первой половины II тыс.). Основная задача, настоятельная необходимость решения которой ощущается после знакомства с первоклассной работой М. Битака, – «увязывание» нового материала со всем, что было известно о соответствующих проблемах прежде.

Хотелось бы надеяться, что последующие раскопки в Телль эль-Даба принесут новые сенсации.

В.А. Головина

© 1999 г.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-ИНДИЙСКИЕ КОНТАКТЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(*Crossings. Early Mediterranean Contacts with India* / Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1997. 283 p.)

Изучение контактов греко-римского мира с Индией в последнее время значительно продвинулось. Интенсивное исследование письменных источников, поступление новых археологических данных и возвращение к уже накопленным делают возможным и необходимым как переосмысление уже утвердившихся схем и концепций, так и построение новых. Это нашло отражение и на страницах ВДИ¹. Исследователи из Индии, Италии, Франции и ряда других стран активно работают в этой области, и количество публикаций с каждым годом растет. Часто они выходят в малодоступных изданиях или на языках, знакомых ограниченному кругу читателей. Рецензируемый сборник «Перекрестки. Ранние средиземноморские контакты с Индией», имея в виду это обстоятельство, был сориентирован на читателя, знакомого лишь с английским языком. В нем представлен перевод с французского и итальянского языков работ, изданных в 80-е – начале 90-х годов, частично переработанных для нового издания, с тем, чтобы расширить круг потенциальных читателей и вовлечь их в изучение истории взаимоотношений двух великих цивилизаций древности. Значение настоящего сборника заключается в том, что практически в каждой из его статей предпринята попытка переосмыслить данные нумизматики и таких письменных источников, как «Перипл Эритрейского моря» и «Естественной истории» Плиния Старшего. Анализ данных этих источников позволяет охватить практически весь спектр проблем по взаимоотношениям Рима с Индией в первые века нашей эры. Мнения авторов рецензируемого тома по основным поднимаемым вопросам совпадают, хотя они и исходят из разных точек зрения, т.е. перед нами своего рода коллективная монография, которая в то же время отражает современное состояние историографии проблемы в целом.

Статья признанного авторитета в различных сферах индологии Р. Тхапар «Ранние средиземноморские контакты с Индией: обзор» (с. 11–40) служит своего рода введением как к самой публикации, так и в историографию проблемы. В статье подводятся итоги последних лет по изучению данного вопроса и показаны наиболее важные узловые моменты, на которых в настоящее время сосредоточен основной интерес исследователей. Автор справедливо отмечает, что изучение контактов Индии с античным миром стало полидисциплинарным направлением. Значительно возросла необходимость более тщательного изучения источников на пали, пракритах, тамили, не говоря уже о санскрите, причем каждый отдельный аспект требует учета всего спектра источников (с. 13–17). Датировки «Перипла» – основного письменного источника по данной теме, надписей, кладов римских монет, найденных в Индии и на Шри Ланке, все еще являются предметом острых дискуссий, так как значительная часть находок носит случайный

¹ См. Салль Ж.-Ф. Еще раз о «горшках» и «народах»: Персидский залив в конце I тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 115–124; Бухарин М.Д. Рец. на: Athens, Aden, Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Boussac, J.-F. Salles. New Delhi, 1995; Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean / Ed. H.P. Ray, J.-F. Salles. New Delhi, 1996 // ВДИ. 1998. № 3. С. 222–228..

характер. Кроме того, необходимо четко отличать местные подражательные изделия от средиземноморских оригиналов. Это особенно актуально в отношении керамики и монет (с. 15–21). Как отмечает Р. Тхапар, в развитии римской торговли с Индией нужно выделять не только временные этапы, когда торговый поток варьировал в своем объеме, но и различия в целях, которые преследовали средиземноморские купцы в том или ином регионе (с. 23–24). Автор полагает, что дискуссия по такому давно обсуждаемому вопросу как «открытие» муссонных ветров мореходом Гиппалом, сделавшее возможным интенсивное развитие мореходства между античным миром и Индией, близка к завершению. Последние работы С. Маззарини и А. Черняя, представленные в «Перекрестках» (см. ниже), по ее мнению, устраняют путаницу между именем воображаемого морехода Гиппала и названием ветра, вызванную различием в написании (с. 25). Далее Р. Тхапар очерчивает различие в отношениях средиземноморских купцов с местным населением в зависимости от географических, экономических и политических обстоятельств, отражавшее многообразие форм существовавших в торговле, что обязательно должно учитываться исследователями (с. 26–31). Тем не менее, все еще остается значительное количество нерешенных вопросов в области взаимоотношений между местным населением и приезжими «купцами»: степень индианизации новых поселенцев, отношение различных слоев населения к ним, их влияние на урбанизацию Индии (р. 36–38). Последнее, на чем заостряет внимание Р. Тхапар, – неясные до сих пор причины упадка римско-индийской торговли во II в. н.э. Автор отмечает, что необходимо активно привлекать материалы по политической истории региона от Средиземного моря до Южной Азии (с. 39). На решение ряда этих вопросов и ориентированы статьи, представленные в рецензируемом сборнике.

Основная полемика вокруг датировки «Перипла» ведется по поводу возможности отнесения этого памятника к I или III в. н.э.² либо необходимости постулировать его сложностной характер³. Решить вопрос о дате составления «Перипла» пытаются авторы двух статей. Арабист К. Робэн в статье «Дата «Перипла» в свете южноаравийских данных» (с. 41–65) предложил свое видение проблемы сквозь призму политической истории Южной Аравии, отраженной в «Перипле». Для ее новой интерпретации он активно привлекает эпиграфический материал из Южной Аравии I–III вв. н.э. Автор статьи представляет целый ряд контраргументов, настаивая на невозможности отнести «Перипл» к первой половине III в. н.э. – дате, обоснованной в работах Ж. Пиренн⁴ и целого ряда других исследователей (см. р. 62, под. 4)⁵. Аргументы, исходящие из тождества некоего набатейского царя Малиха, упомянутого в «Перипле» (19: 6. 29), с могущественным правителем Петры эпохи Элагобала (218–222), наличие работ Плиния Старшего и Птолемея как отражающих иной по сравнению с «Периплом» уровень знаний, а значит и относящихся к другой эпохе, оказываются, по мнению К. Робэна, необоснованными. Действительно, «Перипл» и «Естественная история» различны по своему назначению и происхождению, и прямолинейное сопоставление этих работ не может быть признано методологически оправданным. К. Робэн убедительно показывает, что политические реалии Южной Аравии, представленные в «Перипле», могут соответствовать лишь событиям I в. н.э., устанавливаемым по эпиграфическим документам (с. 51–54). Он отождествляет упомянутых в «Перипле» южноаравийских правителей Элеаза, Харибазла и Холеба с местными царями, время правления которых относится к I в. н.э. (между 50 и 74 гг.), но не находит возможности определить его более точно.

² Обзор точек зрения см. *Raunig W.* Die Versuche einer Datierung des Periplus Maris Erythraei // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.* 1970. 100. S. 231–242.

³ См., например: *Palmer J.A.B.* Periplus Maris Erythraei: The Indian Evidence as to the Date // *Classical Quarterly.* 1947. 41. P. 140; *Rodinson M.* Éthiopien et Sudarabique // *Annuaire de l'École pratique des Hautes Etudes; IVe section: Sciences historiques et philologiques.* 1975–1976. 108e année. P. 238.

⁴ *Pirrenne J.* Un problème-clé pour la chronologie de l'Orient: la date du «Périples de la mer Érythrée» // *JA.* 1961. 249. P. 441–459; *eadem.* Le Royaume Sud-Arabe de Quatabân et sa Datation d'après l'Archéologie et les Sources Classiques jusqu'au Périples de la Mer Érythrée // *Bibliothèque du Muséon.* 1961. 48. P. 193; *eadem.* Le développement de la navigation Égypte-Inde dans l'antiquité // *Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Actes du 8e Colloque International d'Historie Maritime (Beirouthe 5–10 Sept. 1966) / Ed. M. Mollat // Bibliothèque générale de l'École Pratique des Hautes Études.* 6e section. P., 1970. P. 112 sq. Нельзя не отметить, что работы Ж. Пиренн полны противоречий. Весь спектр аргументов подгоняется под предложенные ей даты правления арабских правителей. Ссылки на работы поддержавших ее точку зрения исследователей см. *Crossings...* P. 43 f., 62.

⁵ Впервые эта дата была предложена М.Т. Рено: *Reinauld M.T.* Mémoire sur le commencement et la fin du royaume de la Mésène et la Khoracene et sur la rédaction du Périples de la mer Erythrée // *JA.* 1861. 6. P. 161–262; *idem.* Mémoire sur le Périples de la mer Erythrée et sur la navigation des mers orientales au milieu du IIIe siècle de l'ère chrétienne // *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 24. Pt. 2. P., 1864. P. 234–276.

В статье «Перипл» и политическая история Индии» (р. 66–72) Ж. Фюссман предлагает сменить утвердившуюся в историографии точку зрения датировки политической истории Северо-Западной Индии, опираясь на «Перипл», на прямо противоположный подход – определение эпохи, к которой относится это сочинение, исходя из рассмотрения политической истории Центральной Азии и Северо-Западной Индии на источниках, непосредственно не связанных с «Периплом». Ж. Фюссман отвергает утвердившееся отождествление царя Манбаноса, упоминаемого «Периплом» (41: 14. 2 Μανβάνου βασιλεῖας), с известным по индийской традиции царем Нахапаной, время правления которого восходит к 70-м годам I в. н.э. По мнению исследователя, лингвистические данные не дают никакого основания для такого отождествления. Имя Naharāpa должно было быть передано греками как Nārāpa или Namrāpa (66–67). Но даже если отказаться от определения времени правления исторического Нахапаны на основе дискуссионной даты 1-го года правления Канишки, Ж. Фюссман, интерпретируя данные «Перипла» (§ 38 и 47), допускает, что они отражают политическую реальность Индии до окончания ее завоевания кушанами, т.е. между 30 и 50 гг. н.э. И если предположить, что автор «Перипла» не поднимался по Инду, а получил свои сведения, используя слухи, то можно утверждать, что эти данные не восходят ко времени после 50 г. н.э. (с. 70).

С заключительными выводами Ж. Фюссмана трудно не согласиться. Но все же лингвистические рассуждения, представленные им, выглядят без необходимости усложненными, тем более, что и сам их автор следует гипотезе о сборе автором «Перипла» своей информации «со слухов». До него или его информатора имя того или иного царя могло дойти в самой диковинной форме. В том, что имя Naharāpa было воспринято как Μανβάνος, нет ничего невозможного, поэтому чисто лингвистические аргументы здесь, думается, – не лучший помощник⁶. Кроме того, в одной из недавних работ⁷, посвященных Нахапане, убедительно показано, что время его правления приходится на 40–70 гг. н.э. – период, когда автор «Перипла» мог побывать в дельте Инда.

В статье С. Маззарино «О названии ветра Гипала (Гиппала) у Плиния» (р. 72–80) поднимается вопрос о рукописной традиции «Естественной истории» относительно названия ветра гип(п)ала. Проанализировав все контексты, в которых встречается слово ἵππος, и рукописную традицию, автор заключает, что принятое в NH. VI. 100 чтение -pp- в hippalum (скорее даже – huppalum) должно быть исправлено на -p-, тогда как в NH. VI. 104 необходимо читать hippalum (huppalum). Первое чтение, как полагает автор, восходит к Нearchу и Онесикриту (Nearchus. FGrHist 133 F 118; Aristob. FGrHist 139 F 35) и означает «ветер, дующий с моря» – ὕφαλος⁸. Второе чтение восходит к современной Плинию эпохе и, таким образом, разрушает принятое мнение о Плинии как о писателе, работавшем только с авторитетными письменными источниками, не обращаясь к современной ему действительности (с. 76). Данным «Естественной истории» С. Маззарино противопоставляет неизвестную Плинию традицию «Перипла», по которой Hippalus – имя собственное открывателя муссонных ветров. Эту версию он считает легендарной и полагает, что она должна быть отвергнута как не имеющая реальной исторической основы. Автор задается вопросом: если этот Гиппал был исторической фигурой, то как Посидоний, который писал в 20-е годы I в. до н. э., мог назвать Эвдокса из Кизика автором этого открытия (FGrHist. 87 F 28 = F 49 E.-K. = F 13 Th)? Следовательно, можно предположить, что, если Гиппал и был исторической фигурой, традиция «Перипла» восходит к более поздней эпохе и получала хождение после Посидония или сам Посидоний отверг ее историчность (с. 78). Первая гипотеза кажется С. Маззарино предпочтительней.

Непонятным в таком случае остается другое: почему «Перипл» не упоминает Эвдокса из Кизика? Если верно соображение А. Чернья, что автор «Перипла» заимствовал географические

⁶ Нет ничего невозможного и в том, что форма Μανβάνος могла быть вызвана метатезой: Palmer. Op. cit. P. 137.

⁷ Pauli F. NAHAPANA/MANBAN.Σ vor 78 n.Chr.? Ein epigraphischer Neufund aus Indien und seine Bedeutung für die antike Südasiens-Chronologie // Studien zur alten Geschichte Siegfried Lauffer zum 70. Geburtstag am 4 August 1981 dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern. II. Roma, 1986. S. 744–753.

⁸ Эта идея была недавно подвергнута критике Ж. Десанжем, который отметил, что нельзя вывести название Гиппалийского моря из понятия «из-под моря»: Desanges J. Sur la mer hippale, au souffle du vent hippale // Topoi. Orient-Occident. 1996. 6. 2. P. 665. 668. Ф. де Романис в свою очередь полагает, что эта форма должна была звучать как ἵππαλος и отражать не варваризацию этого понятия, как полагал С. Маззарино, но ионизацию, заимствование имени «ветра, дующего с моря» из канонической ионийской науки: Romanis F. de. Hupalos: Distanze e venti tra Arabia e India nella scienza ellenistica // Topoi. Orient-Occident. 1997. 7. 2. P. 688.

данные из труда Посидония⁹, то неясно, почему он не позаимствовал имя Эвдокса? Значит, эта гипотеза не достаточно обоснована. Не имеющее оснований предположение, что «Перипл» появился раньше работы Посидония, приводит к допущению, что этот текст был составлен в среде, оторванной от географической учености, и изучение «формы моря», о котором пишет А. Чернья¹⁰, было заимствовано не у Посидония, а из того же эмпирического опыта греко-египетских торговцев, на который он ссылается¹¹. К тому же плавание Эвдокса не было связано с муссонными ветрами, во всяком случае Страбон (XV. 2. 3–5), пересказавший эту историю, о них не упоминает. Неясно, что толкает авторов на признание неисторичности этого персонажа. Не опровергнутой в таком случае остается схема, предложенная еще М.П. Чарльсвортом на противоположных основаниях: плавание Гиппала до Индии могло иметь место после Страбона, но до «Перипла» и Плиния, т.е. между 20 г. до н.э. и 10 г. н.э. Резкая интенсификация средиземноморско-индийской торговли после 30 г. н.э. привели к тому, что «открытие» Гиппала сделало возможной муссонную навигацию до Индии¹². Скорее всего и имя он получил по названию ветра, который использовал для прямой навигации в Индию. Думается, что выводы С. Маззарино относительно историчности Гиппала нуждаются в дополнительном обосновании.

Статьи Ф. де Романиса «Рим и *Nótia* Индии: связи между Римом и Южной Индией от 30 г. до н.э. до периода Флавиев» (с. 80–160) и «Романухараттха и Тапробанэ: отношения между Римом и Шри Ланкой в I в. н.э.» (р. 161–237) охватывают весь спектр частных и общих проблем, встающих перед исследователем контактов Индии и античного мира: интерпретацию письменных и археологических источников, необходимость комбинированного использования материалов нескольких традиций – античной, санскритско-пракритской, дравидийской, анализ влияния средиземноморско-индийских торговых отношений на развитие экономики каждого затрагиваемого региона. В этих статьях отражены как последние результаты исследований по данной теме, так и проблемы, не нашедшие еще адекватного решения. Первая из рассматриваемых статей предлагает обзор истории взаимоотношений Южной Индии и античного мира в период Юлиев-Клавдиев на основе двух традиций – античной (греко-латинской) и индийской (санскритской, пракритской, пали, тамильской). Автор полагает, что именно битва при Акции (31 г. до н.э.) дала начало государству, которое сумело обнаружить и начать беспрецедентно эксплуатировать возможности, предоставляемые «муссонной торговлей» с Индией. Как следствие – в Риме произошла «революция нравов», широко распространилась мода на роскошь, в том числе на индийский жемчуг¹³. И новые торговые потребности нужно рассматривать как причину, приведшую к освоению новых рынков и муссонной навигации, но не наоборот (с. 82; с. 129. п. 5). После окончания войны с Египтом в Рим хлынуло огромное количество драгоценностей, что говорит о вовлеченности Египта в индийскую торговлю и создании там базы для ее развития (р. 83). Автор обращается к понятийному аппарату, который использовали писатели той поры, в частности Плиний Старший. Точка зрения, согласно которой римские географы не имели необходимого запаса экономических знаний, должна быть отброшена (р. 85). Он предлагает новый взгляд на давно обсуждаемый отрывок из «Естественной истории» (VI. 100. 1), где перечисляются три торговых пути, ведущих из Рима в Индию. Детальный анализ употребления понятия «compendium» приводит Ф. де Романиса к выводу о том, что оно не тождественно «via brevior», а означает форму «заработка», «интереса», и, следовательно, «compendia invenit mercator» нужно понимать не так, что «купец нашел более короткий путь» в Индию, но что за время существования римской торговли купцы научились получать «lucrum», «commodium», т.е. «прибыль», «интерес». Следовательно, Плиний подчеркивал именно экономические выгоды, благодаря которым развивались и изменялись маршруты плавания в Индию (с. 85–89), имея в виду морской путь до Бекаре и невозможность извлечь выгоду тем, кто плывал до Патале и Сигеруса, тем более, что, как показывают расчеты,

⁹ *Thernia A. Winds and Coins; From the Supposed Discovery of the Monsoon to the Denarii of Tiberius // Crossings... P. 258.*

¹⁰ *Ibid. P. 253.*

¹¹ *Ibid. P. 259–261.*

¹² *Charlesworth M.P. Some Notes on the Periplus Maris Erythraei // Classical Quarterly. 1928. 22. 2. P. 95.*

¹³ См. об этом подробнее: *Griffin J. Augustan Poetry and the Life of Luxury // JRS. 1976. 64. P. 87–130.* Хотелось бы отметить, что благодаря «Периплу» выявляется значительное количество товаров, доставлявшихся по торговым путям в регионе между Средиземноморьем и Индией, которые к роскоши причислить нельзя. См. *Bowersock G.W. A Report on Arabia Provincia // JRS. 1971. 61. P. 18–22; Casson L. Egypt, Africa, Arabia and India: Patterns of Seaborn Trade in the First Century B.C. // The Bulletin of the American Association of the American Society of Papyrologists. 1984. 21. 1–4. P. 44–47.*

морской путь до малабарского побережья (области Лимирик) был и более сложным, с точки зрения навигации, и более продолжительным (с. 88).

Анализ политической истории малабарского побережья на основе данных «Перипла», «Естественной истории», «Географии» Клавдия Птолемея и тамильской традиции позволил автору не только уточнить целый ряд частных вопросов (по «Периплу» пираты владели царством Геромар до порта Нитриай, а по Плинию – пираты угрожали и торговле с Музирисом), но его анализ позволяет выявить последовательность составления этих текстов: при общей схожести картины Плиний ярче акцентирует те тенденции, которые в «Перипле» были лишь намечены, т.е. «Перипл», вероятно, был написан немногим ранее работы Плиния (с. 91–93).

Далее автор статьи представил детальный анализ данных о портах западного и юго-восточного побережья Индии (с. 90–119). Ф. де Романис предлагает сосредоточить внимание и на таком немаловажном факторе отношений рассматриваемых регионов, как наличие внутренних торговых путей: так, с III в. до н.э. порт Музирис благодаря миграции буддийских и джайнских монахов на юг стал играть активную роль во внутрииндийской торговле, а на основе тамильских источников отчетливо вырисовывается двойной характер экономики Музириса – морской (рыбная ловля, торговля и добыча берилла) и внутренних (продукты сельского хозяйства) (с. 94–95). Кроме того, при оценке кладов римских монет нужно учитывать то обстоятельство, что они могли использоваться при местном обращении (с. 98).

Чрезвычайно интересны данные тамильской литературы, приводимые Ф. де Романисом, которые, как он полагает, относятся к царству Пандья в связи с легендой о дочери «индийского» Геркала Пандайе, пересказанной несколькими античными авторами (Diod. II. 39. 2; Arr. Ind. VIII. 6–13; IX. 1–8; Phlegon, Mirab. 33. 2; Plin. NH. VI. 23. 6; Solin. 52. 15; Polyae. Strateg. I. 3.4) (р. 109–114). Интерпретация легенды о пребывании Диониса и Геракла в Индии в последнее время, очевидно, зашла в тупик, и для того, чтобы продолжение разработки этой темы в «южном», «дравидийском» направлении¹⁴ было оправданным, необходимо представить достаточно веские контраргументы против положений Ж. Дюмезиля¹⁵.

Достаточно подробно Ф. де Романис анализирует данные о торговом обороте Рима с Индией. Однако неопределенность масштабов экспорта римских монет в Индию, их покупательной способности там не дают пока оснований для однозначных оценок (с. 119). Среди последствий для римской экономики, которые повлекло за собой развитие торговли с Индией, автор выделяет следующие положения: с одной стороны, произошел значительный отток золота и серебра в Южную Индию, с другой – государственная казна пополнялась благодаря высоким пошлинам, которыми облагалась индийская торговля. Ее развитие укрепило положение как казны, так и ростовщиков, заинтересованных в извлечении прибыли из ссуд, которыми они снабжали крупных торговцев. Изменения в нравах, произошедшие в период Флавиев, спасли от финансового краха многие знатные сенаторские фамилии, которые сумели укрепить свое положение за счет развития торговли с Индией (с. 125–126)¹⁶.

В статье Ф. де Романиса «Романукхараттха и Тапробанэ: отношения между Римом и Шри Ланкой в I в. н.э.» (р. 161–237) анализируется ряд остро дискуссионных источниковедческих вопросов, решение которых позволяет максимально восстановить развитие отношений между Римом и Шри Ланкой в I в. н.э. Эта работа представляет собой ряд очерков, каждый из которых посвящен определенной проблеме. Первый из них – «Египетская система счета времени и римские купцы: новое чтение греческой надписи из Египта (AE. 1954. N 121 A)» – посвящен

¹⁴ Lassen Ch. Indische Altertumskunde. Bd I. Bonn, 1847. S. 649.f.; Kanakasabhai Pillai V. The Tamils Eighteen Hundred Years Ago. Madras, 1904. P. 54 f.; Smith V.A. The Early History of India. Oxf., 1908. P. 407; Kuiper F.B.J. Review of A. Dahlquist // Indo-Iranian Journal. 1969. 11. № 2. P. 144; Dessigane R., Pattabiramin P.Z., Filliozat J. La légende des jeux de Çiva à Madurai // Publications de l'Institut français d'indologie. 19. 1. Pondichéry. 1960. P. xiii; Filliozat J. Plin et le Malaya // JA. 1974. 262. 1–2. P. 128; André J., Filliozat J. Plin l'Ancien. Histoire Naturelle. Livre VI. Pl. 2. P., 1980. P. 156 q.; Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989. P. 218.

¹⁵ Dumézil G. Les épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi // Dumézil G. Mythe et épopée. V. II. P., 1971. P. 258 sq., 262, 264; idem. Héraclès: ses fils et sa fille // Dumézil G. La courtisane et la seigneurs colorés et autres essais: vingt cinq esquisses de mythologie. P., 1983. P. 46–59; idem. Pandaia et le pays Panḍya? Dumézil G. La courtisane et la seigneurs colorés... P. 60–65.

¹⁶ Тезис о существовании крупных фамильных кланов, державших в своих руках индийскую торговлю и связанных с сенатской элитой и императорами, был предложен и обоснован в не потерявшей своего значения работе У. Вилькена: Wilken U. «Punt-Fahrten» in der Ptolemäerzeit // Zeitschrift für ägyptischer Sprache und Altertumskunde. 1925. 60. S. 32–38.

анализу греко-латинской надписи, составленной отпущенником Публия Анния Плокама, обнаруженной в 1936 г. в Вади Мени Х.А. Винклером и опубликованной в 1953 г.¹⁷ Прежде чем приступить к собственно анализу ее текста, автор обращается к источникам, позволяющим определить соотношение различных календарных систем: египетской, юлиано-александрийской и римско-юлианской. Проведенные вычисления (с. 161–163) дают возможность довольно точно датировать отрывок из «Естественной истории» (VI. 106), где речь идет об отправляющемся из Южной Индии в Египет купце. Такая ситуация была возможна между 48/49 и 51/52 гг. н.э. (р. 209, not. 11) т.е. римские купцы, информировавшие Плиния, плавали в Индию во время принципата Клавдия за 25–30 лет до того, как сочинение Плиния было посвящено Титу. Затем Ф. де Романис переходит к разбору собственно билингвы. Как и в сообщении Плиния, в надписи используются два вида счета времени: приводятся ссылки на египетский и римско-юлианский год. В противоположность принятой датировке (2 г. н.э., 5–6 июля), автор на основе более тщательной реконструкции текста надписи (для чего ему пришлось даже отправиться в экспедицию на место ее начертания (р. 202–204)) датирует обе надписи 5 г. н.э. Интересно, что автор «Перипла» ссылается только на римско-юлианский и юлиано-александрийский календари, тогда как информаторы Плиния и сам отпущенник Анния Плокама опирались и на египетскую календарную систему, из чего следует, что они проявили больший интерес к местной культуре (с. 172)¹⁸.

Во втором очерке «Романуххараттха и Тапробанэ: образ частей мира» Ф. де Романис обращается к фигуре отпущенника Анния Плокама, упомянутого Плинием в «Естественной истории» (VI. 84–85) как первооткрывателя Шри Ланки. Его судно было занесено туда ветрами, после чего в Рим прибыло посольство некоего Рахия. Рассматривая это событие, автор не связывает его с открытием муссонного мореплавания в Индийском океане. Но тогда значит, что в эпоху Клавдия еще не знали муссонной навигации¹⁹, или ранее известные знания не получили широкого распространения, или же этот отпущенник и не стремился изначально попасть в Индию. С этим соглашается и сам автор статьи: трудно себе представить, чтобы опытный мореплаватель позволил подхватить свой корабль сезонному ветру, известному каждому пересекающему Баб-эль-Мандебский пролив (с. 179)²⁰. Ф. де Романис полагает, что отпущенник Анния Плокама был подхвачен не муссоном, а дующим с декабря по март с южноаравийского побережья ветром «Belat», а под действием другого муссона – северо-восточного – он мог уже добраться и до Шри Ланки (с. 180).

В истории с пребыванием на Шри Ланке отпущенника Анния Плокама внимание Ф. де Романиса привлекает следующий эпизод: царь Шли Ланки был поражен видом римских монет, показанных ему гостем, в особенности их одинаковым весом, в чем он, якобы, усмотрел символ могущества Рима. Как подчеркивает автор, в этом можно увидеть проявление изолированности Шри Ланки, не знавшей римских монет, от общего потока индо-средиземноморских связей (с. 181–185). Далее Ф. де Романис стремится показать несправедливость обвинений, выдвинутых рядом исследователей²¹, что Плиний смешал два не связанных между собой события: прибытие отпущенника Анния Плокама во время Августа на Шри Ланку и посольства Рахия в Рим в эпоху Клавдия. С одной стороны, найденная в Вади Мени надпись, говорящая о пребывании отпущенника Анния Плокама в 5 г. н.э. на пути между Коптом (Coptos) и Береникой (Berenice), не может исключать того, что и в надписи, и в сочинении Плиния Старшего имеется в виду один и тот же человек. С другой стороны, вполне логичным выглядит предположение Ф. де Романиса, что в рассматриваемых случаях упоминаются представители двух поколений Анниев Плокамов, занимавшихся торговлей в Красном море (с. 188). вполне возможно, что отпущенник Анния Плокама и сопроводил посольство Рахия в Рим.

Чрезвычайно интересно еще одно наблюдение Ф. де Романиса. Ланкийские исторические хроники «Дипавамса» и «Махавамса» повествуют о царе Бхатикабхае (Bhatikabhaya), который

¹⁷ Meredith D. Annus Plocamus: Two Inscriptions from Berenice Road // JRS. 1953. 43. P. 38–40.

¹⁸ Не ставит ли этот факт под сомнение то, что автора «Перипла» повсеместно называют именно греко-египетским купцом?

¹⁹ Еще М.П. Чарльсворт не без оснований полагал, что начало широкого использования муссонных ветров приходится на 50–55 гг. н.э. (Charlesworth. Op. cit. P. 96 f.).

²⁰ Или в таком случае должны быть внесены коррективы в датировку создания «Перипла Эритрейского моря».

²¹ Schwatz F.F. Ein Singhalesischer Prinz in Rom // Rheinisches Museum. 1974. 11. S. 166–176; *idem*. Pliny the Elder on Ceylon // JAH. 1974. 8. P. 21–48; Peiris E. Greek and Roman Contacts with Ceylon // The Ceylonese Historical Journal 1960/1961. 10. P. 17 f.; Paranavitana S. Civilization of Early Period: Economic, Political and Social Conditions // History of Ceylon. V. I. Colombo, 1959. P. 285.

преподнес «Великой ступе» коралловую цепь (pavāḷajāla). Из более поздних источников известно, что это украшение происходило из страны, именуемой «Romanukkharaḍḍham», т.е. Римской империи – ведь палийское «gaḍḍham» точно соответствует санскритскому «gaḷuam» – «царство». Экспорт коралла из Средиземноморья в Центральную Азию и на Дальний Восток – один из примечательных феноменов отношений Запада и Востока в древности. Стремясь установить время правления царя Бхатикабхаи, автор приходит к выводу, что именно Плиний является *terminus post quem* для отправления миссии за кораллами. Следовательно, она не должна была предшествовать прибытию отпущенника Анния Плокама на Шри Ланку, которое в свою очередь предшествовало прибытию в Рим посольства Рахия. Из этого автор делает вполне логичный вывод, что царь, который оказал гостеприимство отпущеннику Анния Плокама и Бхатикабхая – одно и то же лицо, а в миссию Рахия входила задача по доставке ему кораллов (с. 192–201).

Статья А. Чернья «Одногорбый верблюд Петициев и торговля с Востоком» (с. 238–250) продолжает одну из тем, начатую в предыдущей статье – существование торговых фамильных кланов, из поколения в поколение занимавшихся коммерцией между Александрией, Италией и Индией. Возвращаясь к фигуре Анния Плокама, автор статьи утверждает, что он представлял влиятельную торговую семью из Поццуоли – крупной гавани на западном побережье Италии, и приводит ряд фактов, подтверждающих существование таких родов. Среди эпиграфического материала I в. до н.э. – I в. н.э. А Чернья выделяет четырех представителей семьи *Petitii*, которые занимались экспортом пшеницы и вина через Египет. Вполне возможно, что два или три из них были одним и тем же лицом, но существование торгового рода *Petitii* неоспоримо (с. 243). Далее автор обращается к барельефу из Аквилы, изображающему верблюда, нагруженного двумя амфорами, шестерых мужчин в тогах и одну женщину. Происхождение этого барельефа неизвестно, но он явно воспроизводит ход семейного торгового каравана, идущего через Египет. Это, а также то, что *Aquila* находится всего в 60 км от места находки одной из надписей, упоминающих *Petitii*, дает А. Чернья основание отождествить изображенных на барельефе людей с этим семейством (с. 246–247). Быть может, это отождествление выгядит несколько поспешным, но во всяком случае из анализа А. Чернья четко видно, что в I в. до н.э. – I в. н.э. существовали торговые семейные кланы, вроде *Plocami* или *Petitii*, из поколения в поколение занимавшиеся торговлей между Средиземноморьем и Индией.

В другой своей статье «Ветры и монеты: от предполагаемого открытия муссонов до *Denarii* Тиберия» (с. 250–276) А. Чернья вновь обращается к истории торговых взаимоотношений между Средиземноморьем и Индией, излагая свой взгляд на письменные и нумизматические источники по данной теме. Он продолжает начатую в статье С. Маззарино дискуссию о написании *hyralus/hippalus*. Как и С. Маззарино, он склонен видеть в *hyralus* юго-западный муссон, идущий со стороны моря, а два варианта написания этого слова в «Естественной истории» (VI. 100, 104), по его мнению, отражают две источниковые традиции, использованные Плинием: форма «*hyralus*» восходит к Непарху, а «*hippalus*» – к современным (49–52 гг. н.э.) ему информаторам (с. 251–252). Так же, как и С. Маззарино, А. Чернья отвергает историчность фигуры Гиппала – навигатора, открывшего муссонное мореплавание до Индии, считая эту историю мифом, сложенным в среде греко-египетских мореходов. Основанием для этого вывода служит и то, что Гиппал знал расположение портов и форму моря. И ответственность за это «открытие» нужно возложить даже не на самих римлян, а на современных комментаторов (с. 252–260). Действительно, греки использовали муссонные ветра и раньше: еще в IV в. до н.э. часть армии Александра Македонского возвращалась домой по морю с помощью муссонного ветра (с. 256).

По этому поводу хотелось бы отметить следующее: Гиппал или кто-то другой использовали этот ветер систематически и для торговых целей, кроме того, Страбон говорит, что еще незадолго до него очень немногие отваживались на заморские плавания в восточном направлении (XVIII. 1.13; II. 5.12). Неясно, что мешало некоему Гиппалу на основании своего эмпирического опыта, наличие которого у греко-египетских мореходов А. Чернья не отрицает, может быть, прибегнув к информации кого-либо из географов, выяснить, что использование муссонных ветров дает возможность в определенный период времени достигать Южной Индии без захода в порты. Легенду о Гиппале А. Чернья склонен рассматривать следующим образом: греко-бактрийское царство распространило свои границы ко II в. до н.э. до устья Инда. Там должен был происходить обмен информацией с прибывавшими с Запада купцами, из которых первенство было приписано мифическому Гиппалу (с. 258–259). Но это противоречит данным источников: если Страбон, посетивший Египет в 20-е годы I в. до н.э. говорит, что еще недавно лишь немногие отваживались посещать Индию, то стоит ли преувеличивать размах торговых связей и соответственно – переоценивать значение такого рода знаний при том, что Евдокс из

Кизика в конце царствования Птолемея VIII Евергета при помощи индийца «первым» достиг Индии, а при попытке повторить это плавание сбился с пути? Да и с кем греко-египетские торговцы могли бы делиться информацией, необходимой для использования муссонных ветров при плавании в Индию? Тем не менее А. Черняк приходит к выводу о том, что уже во второй половине II в. до н.э. или даже в III в. до н.э. существовал прямой морской путь от аравийского побережья до области Лимирика, когда мореходы на всем протяжении плавания следовали одной параллели. Этот путь должен был быть разработан арабскими и индийскими мореходами, интенсивно осваивавшими северную часть Индийского океана²². Подтверждением этому должна служить и информация об о-ве Сокотра, чье название произошло от санскритского «*sukhataṅga*» – «счастливейший» (с. 260). Действительно, морской путь между Индией и Средиземноморьем мог быть проложен уже в III в. до н.э. – можно вспомнить и стремление Ашоки установить прочные контакты с эллинистическими правителями. Но почему этот факт должен вести к отрицанию историчности Гиппала, пусть даже и в качестве не первооткрывателя «муссонной торговли», а морехода, лучше других сумевшего воспользоваться опытом многих?

Далее А. Черняк обращается к анализу влияния торговли с Индией на экономику Рима. Он отмечает, что находки кладов римских динариев, как правило, совпадают с местами добычи берилла. Это обстоятельство подтверждает связь оттока денежной массы из Рима в связи с пристрастием римской элиты к роскоши (с. 266). Письменные источники (Плиний Старший и Тацит) и нумизматические находки в Индии говорят о том, что на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. в торговле Рима с Индией произошло качественное изменение. Но торговля эта не была единой системой, в зависимости от времени и места она принимала различные формы (с. 270)²³.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что «Перекрестки» – интереснейшая цельная публикация, все составные части которой связаны единой концепцией; точки зрения авторов – свежи, оригинальны (хотя иногда и неполностью обоснованы – сомнительной, например, представляется неисторичность мореплавателя Гиппала), ряд тезисов (прежде всего, датировка «Перипла» серединой–третьей четвертью I в. н.э.) получили дополнительное многостороннее обоснование, и, отталкиваясь от них, можно приступить к решению такой принципиально важной проблемы, как зарождение и развитие мореплавания между Средиземноморьем и Индией в первые века нашей эры. Многообразие вопросов, поднятых в «Перекрестках», высочайший уровень источниковедческого анализа в рассмотренных статьях делают книгу существенным вкладом в разработку истории средиземноморско-индийских связей.

М.Д. Бухарин

© 1999 г.

CHRZANOVSKI L., ZHURAVLEV D. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1998. 296 p.: ill. (Studia archaeologica, 94)

Интерес к светильникам – основному виду осветительных приборов, веками служивших греко-римскому обществу, не случаен по многим причинам и прекрасно отражен в обширной специальной историографии, во многих сотнях работ, статей, публикаций, каталогов, появившихся преимущественно за последнее столетие главным образом в зарубежных изданиях. Светильники достаточно надежно датируются, подлежат детальной, дробной классификации, позволяют уточнить уровень гончарного ремесла, культурных, художественных, эстетических запросов общества и, разумеется, исследователи давно выбрали их предметом своих наблюдений, добившись на этом пути немалых успехов. Рецензируемая работа Л. Хршановского и Д. Журавлева, написанная на исходе века, как бы закрывает череду самых крупных изданий такого рода и вместе с тем может являться своеобразным эталоном для них. Выполненная на

²² Об этом см. *Salles J.-F. The Periplus of the Erythraean Sea and the Arab-Persian Gulf // Athens. Aden. Arikamedu... P. 128–134, 140.*

²³ О степени влияния Индии на римское общество в целом см. *Dihle A. The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature // Proceedings of Cambridge Philological Society. 1964. 10. P. 94–98.*